

НИНА ПЕТРОВНА ДЕММЕ: ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА — НАЧАЛЬНИК ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ

В наше время 30-е годы XX века ассоциируются в подавляющем большинстве случаев лишь с периодом разгула сталинских репрессий, и это естественно. Тем не менее не следует забывать, что это были и годы укрепления государства, индустриализации, культурного и творческого подъема. Для людей же, связанных с Арктикой, «болеющих» Арктикой, это в первую очередь годы небывалого подъема арктических исследований, ставших частью государственной политики, годы создания и освоения Северного морского пути, годы выдающихся, вошедших в историю советских арктических экспедиций. В стране начался настоящий арктический бум, романтика арктических исследований влекла в Заполярье тысячи молодых людей, готовых посвятить и посвящавших им свою жизнь. Именно в эти годы появилась целая плеяда советских полярников, которые были настоящими героями своего времени. На побережье и островах Советской Арктики от Кольского полуострова до Чукотки, от Земли Франца-Иосифа до острова Врангеля активно создавалась сеть полярных станций. Ежегодно проводились масштабные комплексные научные морские экспедиции, издавались периодические журналы, бюллетени, освещавшие жизнь, деятельность и достижения советских полярников, увидела свет целая серия новых монографий об истории арктических исследований, переиздавались классические работы Нансена, Амундсена, Пайера, Норденшельда, Врангеля, Литке и многих других выдающихся полярников. Первыми Героями Советского Союза стали полярные летчики.

Среди тех, кто пришел в те годы в Арктику и решил связать с ней свою судьбу, была и Нина Демме, человек явно неординарный, целеустремленный, сильный, оставивший след в истории освоения Арктики, но в наше время практически забытый.

Родилась Нина в 1902 г. в Костроме, была внебрачным ребенком «крестьянской девицы Рябцовой Марии Ивановны». При крещении девочка получила отчество по имени крестного отца крестьянина Ярославской губернии Петра Рябцова. Воспитателем же ее и, как она писала, фактически отцом был помещик Людвиг Федорович Демме, в разные годы занимавшийся земледелием, садоводством, птицеводством, служивший в земстве. Одно время он владел швейным магазином в Костроме, но не выдержал конкуренции с компанией «Зингер». При оформлении паспортной книжки Нина получила его фамилию.

Девочка закончила сначала в 1914 г. образцовую школу при учительской семинарии в Костроме, а в 1919 г. там же первую трудовую школу-коммуну. Уже тогда ее отличали целеустремленность, активная жизненная позиция и очевидные качества лидера. В 1918 г., еще будучи школьницей, она возглавляла летнюю колонию школы, а в течение 1919–1921 гг. входила в состав губкома комсомола.

Следующим восьмилетним этапом ее жизни была учеба в Географическом институте, позднее преобразованном в географический факультет Ленинградского университета. Профессорско-преподавательский состав института был просто выдающимся — Ферсман, Берг, Борисьяк, Наливкин, Федченко, Эдельштейн, Неуструев, Богораз-Тан, Бялыницкий-Бируля.

Можно предположить, что жизнь в чужом городе была нелегкой, рассчитывать приходилось только на себя, надо было зарабатывать деньги. Скорее всего, была и вторая причина. Это уже упоминавшаяся жизненная активность, заставлявшая ее ставить перед собой новые и новые задачи и решать их, требовавшая участия в различного рода предприятиях, в которых можно себя проверить. Это каче-

ство, отмечаемое чаще всего у мужчин, несомненно, было присуще характеру Нины Петровны Демме.

Учеба проходила с длительными и частыми перерывами на полевые исследовательские работы.

В качестве геолога она участвовала в дорожном строительстве в Ленинградской области, во время длительных командировок в Узбекистан занималась укреплением песчаных массивов вдоль железной дороги Термез–Душанбе, по материалам аэрофотосъемки проводила работы по подготовке земельной реформы. В Средней Азии в те годы еще были сильны басмачи, которые не щадили ни советских работников, ни помогавших им дехкан. Не раз Нине с товарищами приходилось под свистом пуль удирать от них на своих лошадях или прятаться в камнях или камышах. Были и физические испытания, непосильные даже для иных мужчин — многочасовые переезды на верблюдах по раскаленной пустыне, форсирование горных рек с ледяной водой, переправы через многоводную Аму-Дарью. Но все эти трудности не мешали ей восторгаться развалинами древних храмов, сказочными красками оазисов, величественными горными пейзажами, Аральским морем, «отражающим звездный мир».

Девушку влекла Средняя Азия, многие из ее товарищей связали с ней свою жизнь, но Нине Демме была уготована другая судьба, другая привязанность, захватившая ее после окончания университета и не покидавшая всю жизнь.

После окончания учебы, уже имея солидный экспедиционный опыт, она поступила на работу в Арктический институт и в 1930 г. в качестве биолога была направлена в знаменитую экспедицию на ледоколе «Георгий Седов» под руководством О.Ю. Шмидта. Первый выезд в Арктику — и сразу зимовка. Группа полярников из 11 человек во главе с Иваном Маркеловичем Ивановым, участником экспедиции по спасению У. Нобиле и экспедиции 1929 г., водрузившей советский флаг на Земле Франца-Иосифа, сменила зимовщиков на станции в бухте Тихая. В Интернете есть информация о том, что Демме была женой Иванова*, но сама Демме в своих воспоминаниях об этом не пишет, а в ее анкете, хранящейся в архиве Арктического и антарктического института, указан муж — студент Гидрографического института Скворцов Петр Гаврилович.

Как пишет Нина Петровна, «я считалась первой в мире женщиной, зимовавшей в Арктике в качестве научного работника. За рубежом считали такой эксперимент рискованным, выдумывали всякие небылицы, создавали из этого сенсацию, а нам некогда было думать о необычности нашей зимовки, и вся шумиха, поднятая вокруг нас, только раздражала. Мы жили обычной жизнью советских людей, порой забывая, что на нас «смотрит мир»».

Не раз она подвергалась смертельной опасности, оказываясь в штормовом море на утлой стрельной лодочке, проваливаясь в трещины на леднике, отбиваясь от медведей. Но ее уже поразила «болезнь Арктикой», когда человек не мыслит работы в каком-нибудь другом месте. В воспоминаниях Нины Петровны есть такие слова: «Рубини-Рок — вот где оставлено мое сердце» или «...и когда товарищи звали меня снова на юг, я им отвечала «...шелест лишайников в северных скалах милей мне цветущих долин юга»». В отзыве, данном профессором Л.А. Портенко при зачислении Нины Петровны в аспирантуру, есть прекрасные слова, точно ее характеризующие: «...она имеет достаточно веские данные, позволяющие рассчитывать, что

* Дочерью Ивана Маркеловича Иванова является известная актриса театра и кино, народная артистка России Людмила Иванова.

по окончании аспирантуры из нее выйдет дельный научный работник, не гастролер в Арктике, а прочно заинтересованный специалист».

Год зимовки среди скал, снега и льдов, в наблюдениях над невиданными ранее животными и растениями прошел быстро.

Возвратясь после зимовки на материк, Нина Петровна занялась обработкой полученных материалов, а уже в 1932 г. вновь отправилась в Арктику «в еще более заваленные льдом моря, к еще более таинственной и неизвестной Северной Земле». Ехала она туда уже не рядовым сотрудником, а начальником станции, в подчинении которой было трое мужчин. Направлялись они к о. Домашний на смену вошедшей в историю исследования Арктики группе Ушакова–Урванцева, за два года положившей на карту этот, открытый лишь в 1913 г. экспедицией Б.А. Вилькицкого архипелаг.

И опять за границей поднялась шумиха по поводу женщины-полярницы — начальника зимовки. «Нам же это все было неувидительно».

Малочисленность зимовщиков создавала серьезные неудобства в работе — ей очень часто приходилось ходить в дальние маршруты одной, что было чревато самыми тяжелыми последствиями. Вот как Нина Петровна описывает один из случаев, который мог закончиться трагически.

«...Навалился с моря густой туман; все очертания были стерты. Я распрягла собак, приколола их к общей цепи, закрепленной на льду металлическими колышками, и села на нарту, распевая песенки и дожидаясь, когда рассеется туман. Вдруг тревожно залаяли собаки;

зная по опыту, что это означает близость зверя, я успела выхватить из ошейников двух собак. Огромный медведь свалился мне на нарты: собаки вырвали колья и окружили медведя, а он ревел, размахивая лапами над моей головой. Я увертывалась, стараясь вырвать винтовку из чехла, привязанного сбоку вдоль нарт. На беду замок застрял в дыре чехла, изодранного в торосах на длинном пути. Все же мне удалось изловчиться и выхватить винтовку... но... плохо стрелять, когда мушка пляшет.

Собаки оттеснили медведя на обрыв, а три свободных от цепи погнало израненного в торосы на море. Возбравшись на плато, я увидела собак, запутавшихся в цепи и сбившихся в кучу. Где-то далеко лаяли увязавшиеся за зверем, но вскоре и они вернулись. У Османа брюхо было распорото, и кишки волочились по снегу. Собрала всех, снова приколола, раскинула палатку, зашила Османа, вправив ему кишки, уложила на нарты и снова пустилась в путь. Через 11 дней Осман снова был в упряжке. Живучи собаки! Так же как и советский человек».

Вот такой была Нина Петровна Демме, волевая, сильная, мужественная и при этом остающаяся женщиной. Урванцев вспоминает: «Демме привезла с собой двух кошек, которых немедленно поселила в доме, куда теперь собакам и, в частности, щенкам вход был категорически и навсегда закрыт».

Богатая фауна практически неизученной Северной Земли открывала широкое поле для исследовательской работы ученого-биолога. Нина Петровна собрала богатейший материал, который по возвращении с зимовки позволил ей возглавить научную тему «Промысловая фауна Северной Земли», возобновить учебу в аспирантуре, опубликовать научные статьи.

Зимовка проходила нелегко. Осенью 1933 г. сильными штормами смыло продовольствие и топливо и едва не унесло дом. Вместо планировавшегося одного года при-

шлось остаться на второй — остров был окружен тяжелыми льдами, закрывшими дорогу ледоколам. Отсутствие открытой воды препятствовало и посадке гидросамолетов. Несмотря на употребление мяса медведей и тюленей, на зимовке началась цинга. Лишь осенью 1934 г. их вывез летчик А.Д. Алексеев, сумевший сесть на узкое разводе, образовавшееся в ледовом припае. Один из ее товарищей, болевших цингой, все-таки умер уже на ледоколе, стоявшем у мыса Челюскин.

В своих воспоминаниях Нина Петровна пишет: «Годы ушли на обработку собранных материалов. Я успела закончить аспирантуру при Арктическом институте по разделу промысловая биология и уже вооруженная знанием биологии промысловых зверей и птиц была направлена на Новую Землю».

Однако этот межэкспедиционный промежуток жизни оказался, по-видимому, самым тяжелым в ее жизни. Об этом, о причинах возникших у нее проблем Нина Петровна пишет в своем обращении к О.Ю. Шмидту. Это письмо от 20 марта 1938 г., хранящееся в архиве отдела кадров Арктического и антарктического института, является удивительным документом, в полной мере раскрывающим ее характер. Вот оно:

Дорогой Отто Юльевич!

Несмотря на то, что в моих стремлениях на север были неверные шаги, я продолжаю оптимистически смотреть на возможности моего участия в освоении полярных пространств. Основанием этого оптимизма служит факт рассмотрения Вами моего предложения организовать женскую зимовку в 1937 г.

Отто Юльевич! Вы знаете, что без особой острой нужды я не загружаю Вас своими просьбами.

Наш последний разговор с Вами в марте прошлого года был вызван тем обстоятельством, что у меня с руководством биологического отдела ВАИ создались невозможные отношения. Наросло столько мелких несправедливостей, создалась такая густая сеть нарочно поставленных и замаскированных формой трудностей, что я обратилась прямо к Вам.

Тогда Вы меня отослали снова на линию огня, наибольшего сопротивления, именно в Арктический институт. Я приняла это как должное и снова в течение полугода вела борьбу с двуличием, сплетней и бюрократизмом. Была восстановлена в правах сотрудника, противники мои растеряли оружие и вынуждены были уйти из института. Будучи сотрудником Беломорской зверобойной экспедиции, я подала заявление в аспирантуру ВАИ и была принята. Своей диссертационной темой я избрала монографическое описание Северной Земли (фауны). Все она же — Северная Земля — суровая и труднодоступная увлекает меня, и не могу я отказаться от нее, невзирая на все потери, на все неудачи в ее освоении.

Моя просьба к Вам на этот раз заключается в следующем: задумайтесь хоть на минуточку о возможностях моего пребывания на Северной Земле в навигацию 1938 г.!

Я думаю, что нет нужды доказывать Вам необходимость этой поездки.

Всякий новый материал, касающийся указанного района, явится неопределимым вкладом в работу. Не все коллекции мне удалось захватить с Северной Земли, и те, которые привезены, попали в наводнение в Л-де. Фонтанка затопила подвалы Арктического института, и коллекции, собранные Г.А.Ушаковым и мною, погибли.

Мне нужен материал наблюдений по южным частям Северной Земли и коллекции. Руководство ВАИ обещает поставить вопрос о моей зимовке на будущий год. Но мало ли что может быть на будущий год. Стихия Севера такая неверная.

По поводу моей поездки в навигацию 1938 г. со стороны ВАИ я встречаю следующие два возражения:

Первое это то, что ныне нет кораблей, если они и будут, то будут брошены на операции по спасению дрейфующих судов.

Н.П. Демме. 1930-е гг.

Все это пусть будет так. Но мне кажется, что спасательные экспедиции будут настолько удачны, что корабли выполнят и другие побочные задания. Например, сделают разведку в районе Северной Земли, забросят часть грузов для последующих зимовок.

Второе, хотя и слабое возражение, это то, что мое трехмесячное отсутствие в рядах аспирантуры нарушит мой учебный план.

Из тех — ну пусть четырех месяцев моего отсутствия — два месяца отпуска. Два, фактически один, месяца моего отсутствия ничего не изменят в моем учебном плане. Вы знаете, что насчет литературы по Северной Земле не очень разбежишься, а литература по смежным районам мною достаточно уже использована. Язык у меня идет хорошо, социально-экономические дисциплины только освежаются в памяти. Месяц пребывания на Северной Земле мне даст больше, чем три месяца пребывания в аспирантуре.

Если бы мне удалось пойти с одним из ледоколов в навигацию этого года — было бы в высшей степени полезно. Моя поездка не обойдется дорого. Я обойдусь без помощников. Если Вы помните, я привыкла работать в Арктике одна и небезуспешно. Одиночество в полевых исследованиях меня не остановит.

Мне нужна палатка, соответствующая одежда, недорогое охотничье и биологическое снаряжение и продовольствие на три месяца. Пусть ледокол оставит меня на о. Большевик по пути на восток и обратно захватит меня на большую землю.

С получением моего письма Вы будете иметь беседу с Николаем Николаевичем Урванцевым и зав. нашей аспирантурой Леонидом Владимировичем Аптекманом.

Очень прошу Вас, Отто Юльевич, дать свои соображения на этот счет. С глубоким уважением, полная радужных надежд, Демме Н.

Вот так, не больше и не меньше — оставить одну на три месяца на Северной Земле. И ведь осталась бы, если бы оставили. Удивительные целеустремленность, самоотверженность и мужество. Таким людям легче в одиночку работать в арктической пустыне, чем противостоять чиновникам и бюрократам.

Конечно, Шмидт не мог разрешить подобную экспедицию. Практически весь арктический флот в навигацию 1937 г. остался во льдах, нужно было выводить корабли из ледового плена, вывозить людей, а не создавать новые проблемы. Но можно предположить, что определенное содействие он ей оказал: четырехлетний перерыв в экспедиционной деятельности завершился.

Новая Земля также представляла широкие возможности для научных исследований ученого-биолога. Намучившись в борьбе с чиновниками, Нина Петровна в своих воспоминаниях много внимания уделяет людям, с которыми ее связывала работа в Арктике. «Люди на Новой Земле необыкновенные. Это в большинстве поморы — смелые, сильные, правдивые. Им совершенно чужд дух стяжательства. Если почему-либо один не добирал по плану промысла, другой безвозмездно делился с ним хлебом, маслом, сахаром, одеждой и обувью. Товарищество и взаимопомощь были высоко развиты. Сколько раз нас вместе постигала беда, и один с опасностью для жизни выручал другого».

И тем не менее характер Нины Петровны был таков, что больше всего она любила работать одна. «Рисковать так одной, а наблюдения выигрывают всегда, если производятся одним человеком».

Одной из главных исследовательских задач было изучение орнитофауны. Обычно промышленники завозили ее на катере в пустовавшую промысловую избушку, оставляли продовольствия недели на три — на месяц и уходили, а она на маленькой лодочке ездila по окружающим место базирования многочисленным островкам, наносила их на карту, описывала, тщательно подсчитывала птичьи гнезда. Всякое случалось во время этих поездок: туманы и штормы, нападение касаток и моржей, вынос в открытое море. И всем этим стихиям противостояла одна маленькая женщина, которая могла рассчитывать только на себя.

На Новой Земле Нина Петровна проработала до начала войны. С горечью пишет она о том, как тысячами погибали

птицы от расплывающихся по поверхности воды нефтяных пятен от взорванных и потопленных кораблей. «Все это прошло и никогда не вернется, а о том, что было, — рассказывать не хочется». Однако «не вернется» оказалось ошибкой. Вернулось с организацией на Новой Земле ядерного полигона, да еще как вернулось. Многие красивейшие заливы карского побережья архипелага являются сейчас местами захоронения различных, в том числе и радиоактивных, отходов.

Во время войны Демме была мобилизована на организацию промыслов и доставку их продукции на материк, а в 1945 г. вернулась в ставший ей родным Ленинград. Через год она получила ученую степень кандидата биологических наук, преподавала в вузе, в 1949 г. стала доцентом.

Но такая размеренная жизнь была не для нее, ее неудержимо потянуло в «привычные и милые сердцу» просторы. Свое пятидесятилетие Нина Петровна встретила в дальних походах по Северной Оби, снова она жила среди промыслового населения, на этот раз среди хантов, манси и ненцев, занимаясь развитием звероводства — главной доходной отрасли в этом регионе. И вновь пришлось ей перемещаться на маленькой лодочке, но уже по бурным таежным глухим рекам. Обычно она грузила свою «калганочку» на корму парохода или катер, завозила ее вверх по реке, а вниз на веслах, обследуя каждый пункт и проводя там работу. «Идешь по реке и 80 и 100 км и... ни души. Останавливаешься на ночлег, опрокинув над собой лодку или наломав кедровых веток. Только стаи птиц носятся, да выходят к водопою лоси».

Такая жизнь на Северной Земле, на Новой Земле, на Северной Оби была ее стихией.

Однако годы брали свое — хронический бронхит заставил Нину Петровну в 1959 г. в возрасте 57 лет уйти на пенсию. Но неукротимый ее характер никуда не делся. «Думаю, мое настоящее безмятежное существование ненадолго. Север зовет!» — вот заключительные слова ее жизнеописания, датированного 20 февраля 1959 г.

Она прожила еще 18 лет, но никакой информации о том, как прошли эти ее годы, нет. Можно только предполагать, зная характер Нины Петровны, что жизнь эта была не очень веселая. Не было ее любимого Севера, рискованных маршрутов в одиночку, а было размеренное, скучное существование в шумном многолюдном городе, скорее всего, в одиночестве, так как ради любимого Севера она пожертвовала личной жизнью. Наверное, мучили ее невостремленность и забвение, отсутствие должной оценки ее славной арктической деятельности. Не умела она пиариться, даже и не думала об этом, а арктические историки проглядели ее. Удалось отыскать лишь маленькую заметку Леонида Муханова «Первая полярница», заканчивающуюся словами: «Такова тов. Рябцева-Демме, этот замечательный тип новой женщины революционной эпохи, соединяющей глубокую научную пронизательность с неутомимой энергией революционера, практическую жизненную сметку пролетарки с тонким анализом ученого теоретика-географа».

Нина Петровна Демме умерла в Ленинграде 16 марта 1977 г. В справке, полученной из архива городского крематория, сказано, что урну с прахом забрала родственница И.Я. Водзинская (фамилия не очень разборчива) для захоронения на кладбище г. Костромы. Может быть, эта родственница передала в Государственный архив новейшей истории Костромской области и рукописное жизнеописание Нины Петровны.

При работе над статьей были использованы материалы архива отдела кадров ГНЦ РФ ААНИИ и Государственного архива новейшей истории Костромской области.

Г.П. Аветисов
(ВНИИОкеангеология)